
РЕДАКЦИОННАЯ КОЛОНКА

«ДАЙТЕ МНЕ НА РОДИНЕ ЛЮБИМОЙ, ВСЕ ЛЮБЯ, СПОКОЙНО УМЕРЕТЬ»

Россия вступила в XXI век. Давно обещанное в веке прошлом светлое будущее явно не вписалось во временные рамки, напротив, дух накопительства и потребительства витает над страной. И в погоне за материальными благами люди часто забывают о патриотизме, любви к Родине, о нравственном развитии и возрождении общества. А вокруг много бездомных, голодных, безработных и немощных людей. Русский язык обратился во что-то полуамериканское, и звать нас стали не по имени-отчеству, как искони звали, а по имени и фамилии на западный манер. Если в XIX—XX вв. наши соотечественники имели широкий доступ к произведениям литературы и искусства, то теперь все заполнили СМИ, и масс-медиа формирует электорат потребителей, причем такого низкого уровня, какого еще не было в нашей стране. Даже программы телевидения, которые позиционируют себя как носители культуры, постепенно теряют свой духовный потенциал, пересказывая телезрителям «светские» сплетни. Обездуховленность современного человека привело к тому, что даже в творчестве в наше время частенько соблюдается баланс спроса-предложения. Ведь нужно, чтобы товар продавался... Так что неблагополучие в области нынешней литературы не есть особое явление современной жизни, а одна из его черт. Вот и некоторые попытки из многочисленных союзов писателей и литобъединений создать нечто подобное бывшему Союзу писателей СССР пока заканчиваются ничем — дух потребительства силен и здесь. Что касается нашего журнала, то как и в первый год издания, и в год его пятилетнего юбилея, так и сегодня, когда 10 лет со времени выхода журнала в свет совпали с Годом литературы, хотя бы о частичном финансировании издания «Приокских зорь» со стороны администрации области говорить не приходится. Остается надеяться на меценатов: «Меценаты, где вы?» — Тишина. Все тот же вездесущий дух. Однако все мы, кому дорог наш журнал, не теряем надежды, ведь дело-то благое, и у него обязательно найдется благодетель. Может быть, не так быстро, как хотелось бы, но ведь и сказка не скоро сказывается.

*Не теряют надежды и все безразличные к судьбе России люди. Многие из них, думая о будущем, в поиске духовного источника обращаются к прошлому. Известно, что без него нет сегодняшнего и завтрашнего дня, тем более что наше прошлое — особое по своей духовной, культурной и интеллектуальной величине. Там все наши нравственные корни, скрепы, ведь без нравственного обновления, а не путем подмен, невозможны никакие перемены. Без нравственного обновления ложь, лицемерие и жестокость будут только возрастать. И слава Богу, что есть еще люди, которые не стали носителями и распространителями заморской культуры в области искусства и литературы, то есть любят Родину (в отличие от тех, кому *ubi bene, ibi patrio**) родное, свое, в том числе литературу.*

Посему «Приокские зори» продолжают традицию тематических номеров, посвященных юбилеям великих русских писателей, тех, кто, собственно, и создал нашу

* *Ubi bene, ibi patrio* (лат.) — Где хорошо, там и родина.

литературу, сопоставляя их творчество с современным литературным процессом. Осень нынешнего года богата на праздники и юбилеи не только литературные. 14 октября мы празднуем Покров Пресвятой Богородицы. А 12 сентября отмечаем День памяти святого благоверного князя Александра Невского. В этом году исполняется 270 лет со дня рождения крупного военачальника М. И. Голенищева-Кутузова, 100 лет со д.р. замечательного русского композитора Георгия Свиридова, 80 лет — космонавта Германа Титова, 90 лет — актера Кирилла Лаврова и другие. Празднуем осень и Дни воинской славы России: 11 сентября — День победы русской эскадры под командованием Ф. Ф. Ушакова над турецкой эскадрой у мыса Тендра (1790), 21 сентября — День победы русских полков во главе с великим князем Дмитрием Донским над монголо-татарскими войсками в Куликовской битве (1380), 1 декабря — День победы русской эскадры под командованием П.С. Нахимова над турецкой эскадрой у мыса Синоп (1853) и 24 декабря — День взятия турецкой крепости Измаил русскими войсками под командованием А. В. Суворова (1790). Юбилейные даты — хороший повод обратиться к нашему наследию. Нисколько не умаляя значения церковных праздников и великих побед в нашей истории, значения для нашей страны и культуры всех вышеперечисленных деятелей, отметим 90 лет со д.р. тонкого поэта-лирика советской поры Константина Ваншенкина, и особо — 120-летие со дня рождения великого русского поэта, любимого в народе Сергея Есенина, поистине входящего в литературное созвездие России. Наш русский классический журнал, естественно, не прошел мимо этой даты.

Находясь еще под впечатлением юбилея М. Ю. Лермонтова, творчество которого явилось одним из истоков нонконформизма в формировании русского критического реализма, зададимся вопросом — можно ли отнести не менее великого русского поэта Сергея Александровича Есенина и его творчество к нонконформизму?

Если мы откроем в Википедии (свободной электронной энциклопедии) страницу «Поэзия», то увидим сухое научное определение, откопавший которое наш далекий от литературы потомок, решивший познакомиться с таковым удивительным российским явлением XIX—XX вв., толком ничего не поймет и поищет в поисковике что-нибудь более практичное. И как бы было хорошо, если бы рядом оказался человек, который подсказал набрать в том же будущем Google: Пушкин, Лермонтов, Есенин, поэзия которых очищает души людей своей чистотой, своей искренностью, духовностью, совестью и нравственностью.

Так же, как невозможно переоценить значение Ломоносова для становления русской национальной светской поэзии, как велик гений Александра Пушкина — нашего всего, создателя современного русского литературного языка, основоположника великой русской литературы, велико значение и Сергея Есенина в создании феномена русской поэзии XX века, и то влияние, которое он оказал на поэтов, живших и творивших после него, таких, как Николай Рубцов, Павел Васильев, Алексей Ганин, Александр Яшин, Александр Твардовский, Леонид Мартынов, поэт-эмигрант Арсений Несмелов и многие другие.

В литературу Есенин вошел как выдающийся лирик, с поющей широкой радостью юноши, не перестающего удивляться открывающемуся ему миру, тонко и свежо воспринимающего все вокруг, когда стихи наполнены сокровенными чувствами и красотой природы, любовью к земле и России и, позднее, глубокой душевной болью человека, принявшего химеру за новую веру, что выплескивалось в виде тоски, безысходности и отчаяния. Стихи певца ушедшей Руси исполнены поистине русским духом, они дышат Русью, впитали в себя все лучшее, что было до него в нашей поэзии — традиции Пушкина, Некрасова, Блока, народные мотивы И. Никитина и А. Кольцова. Он учился в Московском городском народном университете, где преподавал В. Брюсов.

Сергей Есенин пришел из народа, из глубинной, коренной русской земли, из кре-

стьянской патриархально старообрядческой среды. Приход крестьян в различные сферы жизни и слои общества, включая царский двор, было обычным явлением в начале XX века в России. Но именно Есенин стал олицетворением народной поэзии, символом крестьянского поэта. Скажем больше, Есенин фактически, несмотря на все внешние атрибуты, всегда оставался крестьянином. Впрочем, как и все в России — «правда турецкая, вера христианская» (знаменитая формула Ивана Пересветова — идеолога Ивана Грозного), а все остальное только секулятивная оболочка, какие реформы ни проводи, какое общество не выстраивай. Даже сегодня, при засилии чужеземных «ценностей», самое глубинное, нутряное содержание людей не меняется. Это и дает надежду на то, что, взяв лучшее, останемся собой. И примером нам в этом Сергей Есенин, который живя в эпоху многократных перемен, сумел сохранить в себе корневой народный, крестьянский потенциал любви к земле, России, людям и чувство социальной солидарности и справедливости.

Время же, в которое творил поэт, было очень динамичным — революция 1905 года, Манифест, первая Дума, сталинские эксперименты в деревне, отказ от них, Первая мировая война, две революции (вернее февральский переворот, произведенный по типу киевского майдана 2014-го года, и последующая (допущенная) передача власти прибывшим в запломбированном вагоне и приплывшим на пароходе), Гражданская война, борьба двух линий в политике и экономике страны и многое другое. Но корневое все же сильнее: «Я поверил от рожденья / В Богородицын Покров». Об истоках раннего творчества Есенина можно судить из его писем из Москвы другу Грише Панфилову. Ни у одного русского писателя, ни до ни после Есенина, в возрасте 17—18 лет, мы не найдем такого *via sacra*^{*}, таких глубоких мыслей о совести, жизни, такого религиозного искания. «В настоящее время читаю Евангелие <...> Христос для меня совершенство. Но я не так верую в Него, как другие. Те веруют из страха: что будет после смерти? А я чисто и свято, как в человека, одаренного светлым умом и благородного душою, как образец в последовании любви к ближнему... Невольно почему-то лезут в голову думы Кольцова: «Мир есть тайна Бога, Бог есть тайна мира». Вот бы в наше время отрокам российским такие мысли! Потому и стали стихи поэта новым явлением в русской поэзии того времени, что наполнены образом живого Христа, Иисуса — нищего странника, одного из тех, кто ходит по селам и поет духовные стихи «о прекрасном рае, о Лазаре, о Миколе и о женихе, светлом госте града неведомого». «И в каждом страннике убогом / Я вызнать пойду с тоской, / Не помазуемый ли Богом / Стучит берестяной клюкой. / И может быть, пойду я мимо / И не замечу в тайный час, / Что в елях — крылья херувима, / А под пеньком — голодный Спас». В тогдашнем поэтическом мире Есенина Русь — «царевна сонная» на «туманном берегу», «задумчивая и нежная», задорная и смиренная, бедная и веселая, гуляющая в «праздники победные». Еще не испорченная «общечеловеческими ценностями», ныне хорошо нами познанными. Но все же далее, в 14 — 18-е годы, Есенин пишет уже о «чистых» и «нечистых», о добрых и злых, о слугах Божьих и о всякой «нечисти». В стихотворении «Тучи с ожереба...» поэт говорит о «муках и кресте», через которые должна пройти Россия. Известно, что этот период жизни и творчества Есенина совпал с его приездом в 15-м году в Петроград. Столицы, столицы... Вы «впереди планеты всей». Как много чистых, с еще незамутненным сознанием и душой парней и девушек приезжают в современные города, в «цивилизацию» и принимают за чистую монету все, сопутствующее ей. Вот и для Есенина в ту пору Петроград стал и началом взлета, и роковым. Блоку понравилась его стихи, и он открыл перед ним двери писательских и издательских кругов. М. Горький писал: «Город встретил его с тем восхищением, как обжора встречает землянику в январе. Его стихи стали хвалить чрезмерно и неискренне, как

* *Via sacra* (лат.) — святой путь

умеют хвалить лицемеры и завистники». Однако после выхода книги «Радунца» в Есенина поверили, и он стал известен.

В 1916 году, благодаря хлопотам, он, призванный в армию, с «высочайшего соизволения», получил назначение санитаром в Царскосельский военно-санитарный поезд Императрицы Александры Федоровны и по приглашению царской семьи, вместе с поэтом Н. Клюевым, часто читал стихи во дворце. В художественном сериале «Есенин», одном из тех, которые «пекутся», как в печи-скорodelке, по несколько штук в месяц — деньги-то несчитанные, грантовские, согласно статьям «забугорных» бюджетов направленные, — поэт читает стихи, по-хамски повернувшись спиной к царице и царевнам, которые, в свою очередь, изображены обычными кокетками. А царевна Анастасия явно довольно хихикает, когда Есенин поет ей непристойную частушку. Да, грантодатели некоторых НКО, организовавшие «конвейер» по производству фильмов о «скверной жизни» прошлых лет не обошли своим вниманием не только С. Есенина — то ли еще увидим и услышим. А вот Андрея Белого, близко знакомого с Есениным, которого нельзя заподозрить в подхалимаже, «поразила <...> необычайная доброта, <...> мягкость <...> чуткость и повышенная деликатность» поэта.

Но прошли годы, отгремела революция и гражданская война, и в 1924-м году Есенин — ничего нет нового под Луной, и бывшие советские люди в 90-е годы ничтоже сумняшеся хаяли свое прошлое — уже говорит: «Я бы просил читателей относиться ко всем моим Иисусам, Божьим Матерям и Миколам, как к сказочному в поэзии». «Рано посетили меня религиозные сомнения...» Что это? Более похоже на отказ от своих юношеских верований в угоду времени и властвующей доктрине. «Бедные крестьяне! / Вы, наверно, стали некрасивыми. / Так же боитесь Бога...» Но при этом, все же, пишет слово «Бог» с большой буквы.

Да, Есенин принял революцию, но в ее стихийном, так сказать, бессознательном виде, «с крестьянским уклоном», как бунт, сметающий все окопы и препоны. Далее это вылилось в его понимание цели революции — *I have a dream*^{*}, — как стремления построить социально- и, прежде всего, крестьянски-ориентированное государство, как царство крестьянского благополучия, как «мужицкий» рай, где обретет счастье русская самобытная деревня. В этом было и его целеполагание, как литературного творца, в отличие от современных бесцельно бредущих, вроде бы вперед, российских литераторов, кто с красным флагом в руке и левацким задором в сердце, кто, наоборот, обряженный в белогвардейскую или казацкую форму, а кто со смущенной — эго вышло-то как! — улыбкой сильно постаревшего шестидесятника, возглавляющих колонну, в массе своей, производителей цветасто-глянцевой и дамской «прозы». Ведь отрыв от прошлого, от реальности и отсутствие цели — это путь в сферу, абсолютно непривязанную ни к каким земным корням. Однако вопрос о том, кто хочет освободить планету от присутствия людей — уже иной предмет для обсуждения. Представления же Есенина о светлом будущем деревни и всей крестьянской (фактически на тот момент) России — «Вижу вас, злачные нивы. / С стадом булатных коней. / С дудкой пастушеской в ивах / Бродит апостол Андрей» — наложило неизгладимый отпечаток на все произведения поэта и во многом определило его будущее. «Марфа-посадница», в которой героиня борется за вольности Новгорода, «Преображение», «Июния», «Небесный барабаничик», «Пугачев», проникнутые бунтарским настроем и вытекающими из него действиями, могут быть отнесены, если не к образцам, то к лучшим творениям русской поэзии. В этот период в одном из стихотворений Есенин восклицает: «Мать моя родина, я — большевик!»

Конечно, Есенин не догадывался о германских и англо-саксонских корнях революции, не различал и затем, а может быть, просто не придавал значения двум борю-

^{*} *I have a dream* (англ.) — у меня есть мечта.

щимся между собой направлениям — превращению советских народов в пушечное мясо мировой революции (читай — сдаче России мировому капиталу) и противоположному ему, созиданию сильного социально-ориентированного государства. Отсюда и неразборчивость в «друзьях», о чем ниже.

Возвращаясь к заголовку колонки, ко второй его части, зададимся вопросом — так кем же был Есенин, конформистом или нонконформистом? Принимая во внимание вышесказанное и судя по многим внешним фактам жизни С. Есенина, его можно было бы отнести к первому разряду. Так и ранние стихи поэта неосознанно, но полностью соответствуют господствовавшей тогда, озвученной Александром III, идеологии: монархия, православие, народность (да и как могло быть иначе, если эти принципы идут из глубинной сущности России, являются истинными, исконными и корневыми?), наполнены любовью к Христу, Богородице, деревне и сельской жизни. В книге «Радуница» мы видим, как поэт уже зависим от вкусов читателей на тот момент. В 1916-м году поэт принимается монаршей семьей в Царском Селе. Далее он не только одобряет, но и весь отдается революции. В последующие годы круг его знакомств «ветвится» вплоть до Ленина. Есенин много хороших слов говорит о большевиках и их деяниях. Одна поэма «Ленин», чего стоит? — «И вот он умер... / Того, кто спас нас, больше нет. / А те, кого оставил он, / Страну в бушующем разливе / Должны заковытывать в бетон». Он близко знаком с одним из главных лиц революции, в начале 20-х годов обладающим реальной властью и покровительствующим поэту, к которому он, по воспоминаниям С. Борисова, относился «с большим уважением, доходившим до почитания...» Так в письме к нему он пишет: «<...> ударили по той струне, для того, чтоб перервать ее, которая служила Вашим вниманием к нам. <...> Простите за то, что /нрзб./ /дост/ если обеспокоили всей этой историей Ваши нервы, которые дороги нам как защита и благосостояние. Любящий Вас С. Есенин»*. К этому же ряду можно отнести и отказ работать на это лицо, когда другая линия наверху победила. Есенин также участвовал в НЭПе: он занимался книгоизданием и держал свою небольшую книжную лавку на Никитской, где сам торговал. Ни для кого не секрет его дружба со многими чекистами, а с одним из них, самым одиозным, Яковом Блюмкиным, особо. Часто, в подпитии, поэт звал друзей посмотреть на казнь контрреволюционеров: «Я это вам через Блюмкина в одну минуту устрою!» К конформизму можно отнести нежелание Есенина покинуть страну, когда он это легко мог сделать (даже получил загранпаспорт), и с энтузиазмом принимает социалистическое строительство, когда возвращается из заграницы. Таким образом, можно определить поведение поэта, как конформистское, ибо есенинская вражда власти надумана. Да и власть, как известно, относилась к поэту весьма хорошо, если не сказать — трогательно («Кто с лихостию, а Бог с милостию»). Ведь когда, будучи сильно пьян, Есенин говорил всякое, власть предержавшие были спокойны: относительно него был даже отдан приказ — доставлять в милицейский участок сугубо для вытрезвления, а затем, не составляя протокола и не давая делу хода, отпускать. Если бы Сергей Александрович был опасен для власти, она легко нашла бы способ эту опасность нейтрализовать.

Есенина не раз, особенно за рубежом, упрекали за близость к верховной власти, что открывало ему все двери. Видимо с поры пребывания Есенина в Царском Селе, его не оставляло стремление контактировать с высокопоставленными лицами. Наиболее тесными и длительными были личные, общественные и творческие связи С. Есенина с наркомом просвещения А. В. Луначарским. Так Есенин воздержался в единственном числе при голосовании за резолюцию, осуждающую Наркомпрос и лично Луначарского. Есенин избирается в Президиум Профессионального союза поэтов, председателем которого был нарком. Поэта приглашают на совещание в Наркомпрос с участием

* «Существо мое возмущено до глубины...» Неизвестное письмо С. А. Есенина <...>. «Литературная газета». № 3—4 (6156), 2008-01-30. Публикуется впервые.

Луначарского и М. Горького, он включен в состав литсекции агитпоезда Луначарского. По инициативе Есенина составляется устав культурно-просветительского учреждения «свободных мыслителей и художников», творящих в духе мировой революции» С. Есенин дарит наркомку книгу «Исповедь хулигана» с надписью: «Анатолию Васильевичу Луначарскому с глубоким уважением к нему. С. Есенин».

Интересно отметить и следующее. По аналогии с анекдотом о двух либералах, которые во всем настолько привыкли винить одного человека, что и в убийстве Пушкина и Лермонтова видели его руку, хоть он в то время и не жил еще, власти обвиняли и в том, что Есенина не публиковали в годы с 1925-го по 1953-й. Как оказалось в очередной раз — вранье. Легко убедиться, что за период в 27 лет было 9 изданий сочинений поэта, то есть, в среднем, одно издание в 3 года — прилично, если даже в военном 1943-м году вышел сборник его стихов.

Не будем, однако, торопиться с выводами о конформизме С. Есенина. Разве был поэт конформистом, когда входил в начале века в группу новокрестьянских поэтов (1916-й год), где были сильны протестные настроения, где проповедовалась избранность крестьянства, революционное мессианство, где раздавались призывы «штурмовать небеса», или когда писал «Инонию», суть которой явно расходилась с комиссарской доктриной? А кем он был, с этой точки зрения, по отношению к существовавшей на тот момент власти, когда разделял революционные настроения февраля, а затем принял и следующую революцию? Безусловно, к некоторому нонконформизму (диссидентству) можно отнести два момента в творчестве поэта. «Стадо, стадо! ...Ваше равенство обман и ложь. ...Для глупцов хорошая приманка. Подлецам — порядочный улов», — говорит бандит (но это же бандит) Номах (читай — Махно) И там же: Лейбман с псевдонимом Чекистов косвенно указывал на кое-кого, («Страна негодяев»). Для каждого художника неизбежен переломный этап, подобный происходящему при переходе от одного психологического возрасту в другой. В 1920 году Есенин пишет «Исповедь хулигана» — коктейль необузданной дикости с невероятной нежностью. И, кажется, А. Дункан говорила о выступлениях поэта в Америке, что он бросает вызов всему и всем: и Богу, и Америке, и публике.

Поэтому на вопрос — кем же был Есенин? — на основе всего вышесказанного отметим, что определение: «художник всегда — в той или иной степени — находится в оппозиции к власти» не всегда верен. А суть поэта определяется не чем иным, как его стихами. Стихотворения же С. Есенина наполнены искренней, неподдельной любовью не к власти имущим, а к Родине, какие бы повороты ни делала она на своем пути, той любовью, которая всегда наполняла до краев сыновнее сердце поэта. С. Есенин не ищет выгоды для себя ни в один из периодов своей жизни — ни в Царском Селе, ни в Кремле, хотя, благодаря связям, мог бы иметь все, что хотел. Он просто хотел жить, творить и издаваться, что является законным желанием художника, тем более большого. И какие стихи выходили из-под его пера! Увы, такой поэзии в наше время приходит на смену массовая безвкусица. Да и откуда взяться иному? — Самородки редки, а в литобъединениях учат не по стихам выдающихся поэтов, а, в большей части, по виршиам руководителей.

Но вернемся к С. Есенину. Мысль новокрестьянцев об оппозиции города и деревни нашла свое подтверждение в жизни и творчестве поэта. Город, который вначале лирический герой полюбил: «Я люблю этот город вязевый...», постепенно получает все более усиливающиеся негативные определения. «Шум и гам в этом логове жутком...», «Если раньше мне били в морду, / То теперь вся в крови душа...» Это уже просто антидом, который душил родную деревню! «Сдавили шею деревне каменные руки шоссе». И все же даже в любовной лирике Есенин не перестает говорить о Родине. «Моя лирика, пишет поэт, — жива одной большой любовью к родине. Чувство родины — основное в моем творчестве. Так в «Персидских мотивах» главная героиня — далекая Россия: «Как бы ни был красив Шираз, / Он не лучше рязан-

ских раздолгий». «Если крикнет рать святая: / «Кинь ты Русь, живи в раю!» / Я скажу: «Не надо рая, / Дайте родину мою» — это пронизывает всю поэзию Сергея Есенина. «...История Есенина есть история заблуждений. И, однако, сверх всех заблуждений и всех жизненных падений Есенина остается что-то, что глубоко привлекает к нему. Точно сквозь все эти заблуждения проходит какая-то огромная, драгоценная правда. <...> Прекрасно и благородно в Есенине то, что он был бесконечно правдив в своем творчестве и перед своей совестью, что во всем доходил до конца, что не побоялся сознать ошибки...»*

Однако, он очень хотел быть первым поэтом: «Теперь многие, Луначарский там, да и другие, пишут, что я первый. Слыхали, наверное? Не Блок, а я. Как вы находите?..»** Или вот: «Я чувствую себя хозяином в русской поэзии...» (С. Есенин. Вступление к сборнику «Стихи скандалиста»). Поэт называл себя вождем имажинизма. В эту пору у него заметна тенденция «всех перепить, перехулиганить и перестихотворить». Известно, что гениальность есть выход за пределы среднего чело века. Но есть еще понятие — гордыня...

Попытка загнать себя в прокрустово ложе Пролеткульта, призванного создать железобетонную рать творческих бойцов мировой революции, Есенин противопоставил имажинизм***, для последователей которого характерен эпатаж, анархизм — они даже по ночам улицы переименовывали своими именами. Имажинизм Есенина был, скорее всего, проявлением скоморошества, уходящего корнями в народные традиции, и сквозь манерность, хулиганство, паясничество невооруженным глазом виден подлинный поэт. Пролеткультовцы и Луначарский не любили имаженистов, называли их шарлатанами, румянцами «музу нечистотами». Это находило поддержку и наверху. Возможно, такая борьба свидетельствовала о желании заманить Есенина в новую идеологию, сделать из него пролетарского поэта. Кстати, после возвращения из длительной поездки с А. Дункан в Европу и Америку, поэт официально порвал с имаженистами (тот же вопрос — так кем же был Есенин?), заявив: «У братьев моих нет чувства родины во всем широком смысле этого слова...» В это время настроения потерянности и безысходности сменяются надеждой на счастье и верой в будущее: «В первый раз я запел про любовь, / В первый раз отрекаюсь скандалить / <...> Разонравилось петь и плясать / И терять свою жизнь без оглядки». Но это было, видимо, краткой вспышкой света перед наступлением тьмы.

В последние месяцы жизни у Есенина была сильная депрессия, вызванная не разочарованием конформиста, который-де все принял и поддерживал, а ничего не получил. Напротив, по признанию власть имущих той поры, он считался лучшим советским поэтом, и мог иметь все и больше. Состояние его определялось не этим. Вспомним, что он пришел *сум Део***** из патриархальной деревни, из которой жизнь вырвала его с корнем. А город расшитал и разрушил его психику. Далее, в советской действительности, за исключением периода революционного подъема — противоречия между «корнями», «почвой» и планами тех, для которых «движение — все, цель — ничто», чье представление о путях развития деревни стали расходиться с есенинскими взглядами. Депрессия Есенина коренилась в глубоком разочаровании его в своей мечте о вольной, счастливой и процветающей деревне, которая виделась ему в «Инонии» и которой не суждено было сбыться. «Ведь идет совершенно не тот социализм, о котором я думал», — заявляет в одном из писем Есенин. Он начинает проклинать «железного гостя» и оплакивать уходящую «деревянную Русь». Отрезвление от хмельной стихии революции, он переносил тяжело. Разочарование, невиде-

*В. Ф. Ходасевич. Некрополь. Воспоминания. LES EDITIONS PETROPOLIS / Bruxelles, 1939.

**Георгий Иванов. «Есенин».

***Имажинизм (от лат. *imago* — образ) — литературное направление в русской поэзии XX в., представители которого заявляли, что цель творчества состоит в создании образа.

**** *Сум Део* (лат.) — С Богом.

ние цели и смысла. «Розу белую с черной жабой / Я хотел на земле повенчать». А разве может быть жизнь без цели? — Чур! Тут же привиделась чья-то улыбочка и борода под ней. Ведь когда в душе образуется пустота, туда может внедриться такой мрак, что и жить не захочется... Депрессии способствовало и то, что он не находил общего языка с новым поколением, для которого портрет Ленина заменил икону, а «Капитал» — Библию. «Поют песни Бедного Демьяна». Выступало осознание, что он не нужен, что его поэзия не нужна Пролеткульту, а советская поэзия не шла из него. Богемное окружение поэта не способствовало избавлению от депрессии. Большую роль в усугублении состояния Есенина сыграл и алкоголизм. Известно, что Есенин писал только в трезвом состоянии, в чистой одежде и при абсолютном порядке вокруг — *bien ou rien**. А похмелье, как известно... «Мне тяжело, как смутное похмелье...» (А. С. Пушкин). «И я склонялся над стаканом, / Чтоб не страдая ни о ком, / Себя сгубить в угаре пьяном», — писал Есенин. — «То ли ветер свистит / Над пустым и безлюдным полем, / То ль, как роцу сентябрь, / Осыпает мозги алкоголь». А Мариенгоф писал, что поэт настолько искалечил себя выпивкой, что «от первой, утренней рюмки у него уже темнело сознание» («Не спрашивай: пьет ли, спрашивай: каков во хмелю»**). По словам знакомых и друзей, он был человеком один час в день. Предчувствие смерти не покидало Есенина — «Черный человек» и «Мы теперь уходим понемногу / В ту страну, где тишь да благодать. / Может быть, и скоро мне в дорогу / Бренные пожитки собирать». Да, все мы когда-то приходим чистые, звенящие, источающие любовь к земле. Потом, в юности, нередко приходит увлечение радикализмом, в той или иной форме, — в незапамятном недалеком, кто не «продавал родину за японский магнитофон или джинсы»? Затем неминуемо, исключая патологические случаи, наступала депрессия. После чего (не у многих, к сожалению) — отрезвление и вера, понимание истоков, цели и пути... Есенин видел свою гибель и неоднократно совершал попытки выйти из этого состояния мрака, хотел спастись, был искренен, когда говорил, что «хотел бы я, задрав штаны, бежать за комсомолом». Но, к сожалению, выхода из депрессии не произошло... «Я с собой не покончу!» — кричал он в стихах, но в этом-то и слышится признание о тяге к расправе над собой. Депрессия все сильнее и сильнее затягивала поэта в свой омут. И какие «песни скорби» он при этом писал! Они звучали в душах читателей «лихостью отчаяния, безысходной нежностью и безудержной решимостью защитить свое право на печаль и гибель. Безусловно, Есенин хотел жить по-настоящему или умереть.

То время, в котором жил Есенин, нельзя рассматривать вне политики, так как политизировано было все вокруг. И смена покровителей не может пройти бесследно — *save!**** Представьте, что бы было с Фаустом, если бы он, подписав договор, на следующий день отказался от него («мефистофели» не шутят). Наступил 1925-й год, год перелома, год 14-го съезда партии, на котором, в декабре, накануне Нового года, должен был решиться вопрос о власти. Одна из сторон мобилизовала левую оппозицию, включая Пролеткульт. Началась травля многих направлений, в том числе имаженистов, и более всего Есенина, чтоб заполучить его в этом противостоянии и тем усилить свой лагерь («Угодило зернышко промеж двух жерновов»****). Поэт отказался «...Понимал ли Есенин последствия своего отказа? <...> Мнение о том, что Есенин деревенский простак, — миф. Он сделал ставку <...>. И оказался в центре политического узла (режиссер фильма «Дорогие мои! Хорошие!» В. Паршиков: «Не надо изображать Есенина человеком не от мира сего») Съезд начал работу в Москве 18 декабря и должен был завершить работу 31 декабря. На съезде победила другая сторона, и произошла смена руководителя Ленинградской парторганизации.

* *Bien ou rien* (фр.) — хорошо или никак.

** Русская поговорка.

*** *Save!* (лат.) — Берегись!

**** Русская поговорка.

Утром 24 декабря (время работы съезда: 17—31 декабря) Есенин приехал в Ленинград и направился к поэту Эрлиху, но того не оказалось дома. Оставив ему записку, поэт поселился в пятом номере гостиницы «Интернационал» («Англетер»). 31 декабря должен был закончиться XIV съезд партии, нового лидера ленинградских коммунистов ожидали в Ленинграде, где у Есенина планировалась встреча с ним. Сторонники версии самоубийства утверждают, что Есенин был подавлен и склонен к суициду. Однако по свидетельствам современников, он был настроен на работу, читал друзьям стихи, рассказывал о новом, порученном ему журнале. За 1925 год у него вышло 8 книг, им было подготовлено полное собрание сочинений. Материальное положение Есенина было успешным — и не только благодаря будущей хорошо оплачиваемой работе. Существовал договор с Госиздатом на выплату гонорара за полное собрание сочинений в течение полутора лет. Первый перевод на 640 рублей уже поступил. Еще в Москве издателю Евдокимову Есенин рассказывал о своих планах — работе в журнале «Поляне», руководство которым обещал ему кандидат в новые руководители Ленинграда. Племянница поэта Светлана Есенина: «Вскоре в Ленинград Есенин должен был перевезти и семью, о чем свидетельствует его телеграмма от 7 декабря, в которой поэт просил Эрлиха подыскать ему трехкомнатную квартиру». Совпадение ли все это? Скорее нет, все говорит о его позитивном настроении.

Между тем в Москве Петр Чагин на съезде встретил нового лидера Ленинграда. Он «...спросил меня, — вспоминает Чагин, — не встречался ли я с Есениным в Москве, как и что с ним. Сообщаю <...> по моим сведениям, Есенин уехал в Ленинград. «Ну что ж, <...> продолжим шефство над ним в Ленинграде. Через несколько дней будем там». Но не довелось новому руководителю продолжить шефство над Сергеем Есениным. Съезд закончился 31 декабря. Он опоздал. Сергей Есенин ушел из жизни. «Но для судьбы дороги нет окольной / На рубеже прозрачных полусфер, / И одного — уже заждался Смольный, / Другому — время ехать в «Англетер»».

* * *

*До свиданья, друг мой, до свиданья.
Милый мой, ты у меня в груди.
Предназначенное расставанье
Обещает встречу впереди.*

*До свиданья, друг мой, без руки, без слова,
Не грусти и не печаль бровей, —
В этой жизни умирать не ново,
Но и жить, конечно, не новей.*

⟨1925⟩

Есенину бы пережить этот перелом. Наступила бы зрелость, и какой взлет поэзии был бы, поэзии, уходящей корнями в народ. Однако впереди были все новые и новые переломы... «Не дай вам Бог жить в эпоху перемен»**.

Называют две версии смерти Есенина: самоубийство и убийство. Однако ни одна из них до конца не доказана. В связи с этим, среди прочих, возникает и вопрос — зачем ехать в Ленинград, чтобы покончить с собой, если это можно было сделать и в Москве?

После смерти Есенина, когда поэт был уже не нужен, его бывшие «друзья» как с цепи сорвались. В частности в «Злых замечках» прямо и грубо говорится: «Есенин-

* Александр Городницкий.

** Древняя китайская мудрость.

ская поэзия по существу своему есть мужичок, наполовину превратившийся в «ухаря-купца»: в лаковых сапожках, с шелковым шнурком на вышитой рубахе, «ухарь» припадает сегодня к ножке «государыни», завтра лижет икону, послезавтра мажет нос горчицей половому в трактире, а потом «душевно» сокрушается, плачет, готов обнять кобеля и внести свой вклад в Троице-Сергиевскую лавру «на помин души». Он даже может повеситься на чердаке от внутренней пустоты <...> «истинно русская картина». «Есенинщина — это самое вредное, заслуживающее настоящего бичевания, явление нашего литературного дня». А особо ретивые называли Сергея «фашистом». Вот так! Вот такое отношение к русскому — «истинно русская картина» — и к великому русскому поэту. И, заметьте, как вовремя, не успев предать Поэта земле, уже, как заранее подготовленное, «вылили» (другого слова не подобрать) в печать.

Есенин был конформистом и нонконформистом одновременно. А разве такое возможно? — спросит читатель. Ответим: возможно, но только в одном случае, если человек и ни тот, и ни другой. Таким был Есенин — им не руководило чувство выгоды, или стремление к борьбе со всем и вся. Он просто хотел писать, творить и издаваться. Хотел быть лучшим поэтом? — Да. Но это не имеет к конформизму и его противоположности никакого отношения. «Дайте мне на родине любимой, все любя, спокойно умереть». Есенин — типичный представитель народа. За ним стоят миллионы таких же, но безымянных «есениных», его братьев по духу, соучастников-жертв революций. Но если бы он жил сейчас, то атмосфера накопительства и потребительства, бездуховности и торгового мышления в литературе, безусловно, сделали бы его самым непримиримым нонконформистом.

Однако не дают покоя два стихотворения: написанное еще в 1914 году (!): «Все встречаю, все приемлю. / Рад и счастлив душу вынуть. / Я пришел на эту землю, / Чтоб скорей ее покинуть» и «До свиданья, друг мой...», приведенное выше.

Есенин до конца сопротивлялся, как мог, расчеловечиванию, которое проводили под знаменами мировой революции те, кто тогда осуществлял глобализм с одной отдельно взятой страны и за ее счет. И лучше А. С. Пушкина не скажешь:

*И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокий век восславил я Свободу
И милость к падшим призывал.*

